

Татьяна Янковская

Я СНОВА ВХОЖУ В ЭТО НЕБО...

*И проступит, как лик на фреске,
Голос тот, что шептал и пел...
Из песни Кати Яровой*

В прошлом году в одной из московских газет было опубликовано интервью с тележурналистом Дмитрием Крыловым. Его спросили, дрожала ли у него когда-нибудь рука во время съёмок телеинтервью. Он ответил, что у него дрожала душа, когда он снимал интервью с Катей Яровой, русским поэтом и бардом, в сентябре 1992 года в Нью-Йорке перед её возвращением в Россию. «Я знал, что она умирает, и она это знала». 12-го декабря её не стало.

Катя Яровая называла себя и себе подобных бродячими поэтами. По её определению, это люди, которые идут по жизни и поют свои песни под гитару: «Не музыкант и не певец - поэт бродячий». Это человек, который отдаёт людям не только своё искусство, но и самого себя, «лучший кусок души».

В своём ответе Д. Крылов очень точно определил воздействие Кати Яровой как поэта и как личности на тех, кто с ней сталкивался, - дрожала душа. В том интервью у Кати спросили: «Любили ли вы когда-нибудь?» Она отвечала, что любовь, по её мнению, это не просто любовь к какому-то конкретному человеку, это состояние души, которое или есть у человека, или нет. У кого-то это может быть ненависть, равнодушие, пустота. «Моё состояние души - это состояние любви. Поэтому, если сказать, любила ли я когда-нибудь - конечно, я любила. Всю свою жизнь».

Катя сказала мне как-то: «Я искусство воспринимаю спиной: если мурашки бегут - значит, хорошо». Несколько раз на мой вопрос, о чём та или иная не слышанная ещё мною песня, она отвечала «о моём теперешнем (или тогдашнем) состоянии». Но ведь именно об этом и пишут истинные поэты - о своём состоянии. О состоянии души. Обо всём остальном можно сказать прозой. «А душу можно ль рассказать?» - спросил поэт. «Мысль изречённая есть ложь» - сказал другой. «Хочется плакать, но плакать нечего» - это написано уже в наш циничный, бесслёзный век. Но вот я снова ставлю магнитофонную плёнку с записями песен Кати Яровой, которые слышала уже сотню раз, знаю наизусть - и опять эти льющиеся под гитару слова, этот голос выбивают из повседневности - до слёз, до мурашек. Катя возвращает людям способность плакать. Возвращает те слёзы, без которых нет ни божества, ни вдохновенья, ни жизни, ни любви.

Год назад, в пятую годовщину смерти, родные и друзья устроили вечер памяти Кати Яровой. Небольшой зал Дома художников в Москве не смог вместить всех пришедших, хотя вечер не рекламировался. Сестра Кати Лена Яровая и подруга Оля Гусинская вспоминали о ней, много смеялись, потому что там, где была Катя, всегда был смех. Звучали Катины песни, были показаны видеозаписи. После концерта несентиментальные мужчины признавались Лене, что у них стоял ком в горле. При этом, как пишет музыковед и исполнитель авторской песни В. Фрумкин, в её песнях «нет никакой романтической размягченности, даже в

любовной лирике. Никаких иллюзий. Скепсис, трезвость, ирония (часто по-галичевски горькая и жёсткая)...»

Почему же песни Яровой вызывают у слушателей такую сильную реакцию? Думаю, что это неизбежно, если талант и любовь - естественное состояние души. Никакого насилия над собой –

Лишь только теченью отдаться,
Отдаться теченью и плыть.
Зачем так страшна и прекрасна
Заветная песня души?
В ней нотой сфальшивить опасно,
Её заглушить - труд напрасный,
Как пламя рукой затушить.

Её искренность беспощадна. Ведь куда легче скрывать лицо за маской скепсиса! Она не камуфлировала чувства иронией, как это нередко сейчас бывает. Её поэтическое чутьё безошибочно подсказывало верную тональность. В «Нелирическом монологе лирической героини», написанном в форме венка сонетов, иронический тон доминирует, хотя сквозь него прорывается порой и серьёзная интонация, когда она касается ключевых для её творчества тем.

Я брошу всё, настанет день -
Куриль, ругаться матом, мужа,
Пить, Родину, хандру и лень,
Петь песни и готовить ужин.
Освобождённая душа
Взлетит к каким-то высям горним,
Окинет сверху не спеша
Всё копошеньё взглядом гордым.
Пора, пожалуй, понемногу
Мне подзаняться хатха-йогой.

Катя не умела жить вполсилы. Её жизнь была стремительной и яркой («Что моя жизнь? Летящая звезда.../Как вспыхнувшая спичка в мирозданье»). Она была человеком страстным, жила без оглядки, не экономя себя. Такая у неё была амплитуда - «от небес до небес». Она знала и взлёты счастья, и глубину страдания, и горечь утрат, оставляющих «шрам на сердце».

В ушко судьбы мне не удастся
Втянуть любви златую нить
И над огнём её прекрасным
Мне только крылья опалить

Оркестр последней песни смолкнет
Но вы узнаете меня
По сумасшедшей рыжей чёлке

Опавших листьев и огня

Катя была очень живой, лёгкой, обаятельной, остроумной. Когда, знакомясь, она называла свою фамилию, у неё часто спрашивали: «Яровая? Не Любовь?» На что она отвечала: «Была бы Яровая, а любовь будет». Любовь, действительно, возникала сразу, потому что Катя любила людей, а не любить её было невозможно. У неё было много преданных друзей. «Мой круг друзей, спасательный мой круг...»

Катя очень любила свою дочь, родных. Часто влюблялась, несколько раз была замужем. Но самой большой любовью её жизни был отец. В этом была и боль (отец ушёл из семьи, когда ей было восемь лет, и только через много лет она смогла его по-настоящему простить). Но он всегда был для неё «идеал интеллекта, нравственной позиции, который никогда ни перед кем не пресмыкался, не хитрил, не мудрил, не выгадывал - это, наверное, норма на самом деле?.. И если есть в моей жизни какие-то достижения, то всё это сделано, чтобы завоевать папино уважение». Так говорила она на 60-летию отца.

Катя начала писать песни в 1982 году, когда ей было 25 лет, и с первых шагов в них были видны талант и самобытность. С годами её мастерство росло, что проявлялось в масштабности тем, широте охвата, образности языка, интересных мелодиях. Как многие барды, она не была гитаристом-виртуозом, но постоянно работала над этим, брала уроки, даже училась играть на двенадцатиструнной гитаре - говорила, что она звучит, как оркестр. Занималась столько, что, как она шутила, «пальцы уже превратились в копыта». Свежесть и глубина её поэтического восприятия таковы, как будто мир в её песнях увиден и глазами ребёнка, и сердцем мудреца.

Зажёгся день, теплом и светом полнится,
Мир - как младенец матерью умыт.
И паутина - пряжа Богородицы -
Летит, летит и в воздухе парит.

Дни сентября так хрупки и нежны -
Для любованья, а не для игры.
Дни сентября - то стеклодув беспечный
Сдувает вниз стеклянные шары.

Тонкий лирик, Яровая писала и остро-сатирические, обличительные политические песни, которые называла песнями протеста, и полные юмора песни на социальные темы. Этой частью своего творчества она, пожалуй, полнее, чем кто-либо другой отразила события и атмосферу жизни России 80-х и начала 90-х годов.

После августовского переворота 1991 года она устроила торжественные похороны своих политических песен во время выступления в АПН, решив, что они устарели. Но так ли это?

Цари меняются - Россия остаётся
Какой была - безропотной и нищей.

Нигде другой такой страны не сыщешь,
Что над собою громче всех смеётся.

Привяжет к флагам траурные ленты,
Оркестр праздничный заменит похоронным,
А послезавтра - вновь аплодисменты
За обещанья в новой речи тронной.

Бог в помощь вам, наш новый повелитель!
Метла-то новая, да только мусор старый,
Всё те же хищники, лишь голоднее стали,
Бог в помощь вам, наш новый укротитель!

Какими будут Ваши увлечения?
Людей ли вешать иль на грудь медали?
Или же новые найдёте развлечения?
Россия выдержит, в России все видали.

Это песня «На смерть Л.И.Брежнева» из цикла «На смерть вождей». (Катя говорила: «Вы, конечно, понимаете, что у меня это не было задумано как цикл. Это у них было задумано как цикл...»). По-моему, эти строки и сегодня не утратили злободневность.

Восьмидесятые годы... Чернобыль и затяжная война в Афганистане; на грани экологической катастрофы Узбекистан, где она так любила выступать; уменьшается средняя продолжительность жизни, падает рождаемость; разочарование в перестройке, голод и криминогенная обстановка в стране... В январе 1990 года родилась песня «На смерть России». Катя говорила, что вовсе не собиралась писать на эту тему, но когда закончила песню и поняла, о чём она, было уже поздно.

Растерзанная, захлебнувшись кровью,
Когда испустит дух моя Россия,
Уж не спасёшь ни посланным Мессией,
Ни Красотой, ни Верой, ни Любовью.

Поднимется на небо чёрным облаком,
Проклявших и отрёкшихся детей простит,
Шестую часть земли накроет пологом
И на прощанье мир перекрестит...

Что это - метафора? Пророчество? Предостережение?.. Но вот социологи предсказывают, что к середине следующего века население России уменьшится вдвое. А что дальше? Можно гнать от себя эти мысли, но «ведь от России не спасёшься бегством», как писала Катя Яровая в песне-балладе «Про Родину-мать».

Сурова наша мать, и не часто нас балует любовью -

То грозно смотрит вдаль, шевеля знаменитыми усами,
То лысиной сверкнёт, а то поведёт мохнатой бровью -
Она так многолика, что мы её лица не знаем сами.

Широкая известность не успела прийти к Кате при жизни. Прожила она всего 35 лет и, хотя постоянно выступала с концертами, ничего специально не делала, чтобы добиться официального признания – не тусовалась, не суежилась, не примыкала ни к каким авангардным группировкам, не искала покровительства. Печаталась она мало, потому что не шла на компромиссы - не желала корёжить стихи в угоду осторожным редакторам. Не хотела выпускать пластинку только лирических песен, говорила, что это всё равно, что показывать пол-лица. Её политические песни находили слишком крамольными даже после перестройки. «Пока мой "Красный уголок" не будет полностью напечатан, я не поверю в их гласность», - говорила Катя.

Недавно в Москве была выпущена первая профессиональная аудиокассета Кати Яровой, названная словами из её песни - «Я снова вхожу в это небо...» Надеюсь, за этим первым шагом последуют другие, и её творчество, наконец, будет доступно широкой аудитории слушателей и читателей. Ведь для многих знакомство с ней может оказаться важным событием в жизни. Недавно я послала эту плёнку своей подруге и получила потрясённое письмо «Это как удар в сердце, как нож в душу... Каждый вечер прихожу с работы и слушаю, слушаю... Как я раньше могла жить без этих песен?»

Шесть лет как Кати Яровой нет среди нас, но её не забывают. То там, то здесь возникают спонтанные родники памяти: прошли передачи о ней по московскому радио и телевидению, большой успех имели посвященные ей радиопередачи в Бостоне и в Хьюстоне. Стала традиционной передача о ней по нью-йоркскому радио, подготовленная Аллой Кигель, дважды рассказывал о ней по израильскому радио Игорь Губерман. Думаю, что настоящее признание Кати Яровой ещё впереди. Родники сольются в поток. И тогда новым смыслом оживут Катины строки - «я снова вхожу в эту реку,/река эта в море вольётся,/а море сливается с небом...»

Статья опубликована в газете «Панорама» в Лос-Анджелесе 3 марта 1999 г.